
Сергей СМИРНОВ

РАССКАЗЫ

БАМОВСКИЙ МАРШ

Василий Хапилов сидел за кухонным столом напротив окна и маленькими глотками отпивал чай из железной эмалированной кружки, покрывшейся от времени сеткой трещинок, поминутно дую в нее.

Старшая сестра ворчала:

— Ну, что ты мучаешься, пей из блюда.

Но Василий упорно продолжал свое ежедневное чаепитие именно из этой старой солдатской кружки, привезенной с БАМа в качестве сувенира, в память об армейской службе в железнодорожных войсках.

Он пил чай и поглядывал на дом в белых разводах напротив. Там на высоте восьмого этажа штукатурили с подвесной оранжевой беседки. Конец октября. За окном раскачивалась от ветра береза. Беседку тоже раскачивало, но рабочие не обращали на это внимания, весело переговаривались.

«Вот попробовали бы на морозе, когда не то что работать, а даже просто наружу выглянуть не решишься...»

Сестра включила радиоприемник, из которого молодые голоса «Самоцветов» тянули про Байкало-Амурскую магистраль... А ведь тогда на Казанском вокзале тоже звучали марши, но только не для них, молодых призывников, а для комсомольцев-добровольцев, полных энтузиазма, желающих подзаработать на новой сибирской стройке, с гитарами и баянами обнимающих на прощание девчонок и друзей.

Двери между вагонами проводники по приказу начальника поезда заперли, отделив будущих воинов-железнодорожников от остальных пассажиров:

— Чтобы не бегали туда-сюда в поисках спиртного, а то перепьются и полезут другу другу носы разбивать.

Из вагонов даже на пустых полустанках никого не выпускали, так и ехали в запертых вагонах до места дислокации полка в Свердловске.

Вчерашний московский школьник Вася Хапилов, как только мог, отлынивал от службы в Советской армии, а в железнодорожное училище пошел ради отсрочки. «Пока учиться буду, то да се, а дальше посмотрим», — рассудил он.

Не получилось. Из-за высокого роста и худобы по решению военкоматовского начальства его сразу записали в железнодорожные войска.

«Вот тебе и „броня“ на железке», — огорчился Васька.

Военком, обращаясь к пожилой врачихе из медкомиссии, отметившей недостаточный вес призывника, добавил негромко:

— Ничего, железнодорожников кормят по повышенному рациону, как подводников. Вернется настоящим мужиком.

Сергей Смирнов родился в Москве. Окончил Московский железнодорожный техникум. Публиковался в журналах «Кольцо А», «Нева», «Юность», «Север». Дважды лауреат литературного конкурса маринистики имени Константина Бадигина.

После поезда — карантин, а после карантина — присяга, и в тайгу на трассу... Недалеко от будущей колеи сразу начали расчищать лопатами снег. Через несколько дней дорожная техника прибыла, БТРы пришли... Спешили — начало декабря. На месте военного городка установили армейские палатки. В них холод собачий. Печка только в центре жаром дышала, гудела всю ночь, раскаляясь до прозрачности. Смоляных сосновых дров не жалели, кидай сколько хочешь, а по краям палатки все равно пар изо рта. По утрам дневальному приходилось топорами ломать лед в бочках. Караульную несли в тулупах, валенках и с автоматами, согреваясь мелкой трусцой. Валенки еле успевали за ночь подсохнуть.

Кто-то наконец сообразил:

— А давайте съездим на БТРе в поселок Маревый. Говорят, там можно кирпичами разжиться, обложить ими железные печки, чтобы дольше тепло держали.

Поехали с прапорщиком. Но спешить в таежных местах нельзя, перед зимней тайгой все нужно основательно проверить. До поселка не доехали, солярка закончилась, а заправщики до военного городка еще не добрались, с БТРов сливали топливо для бульдозеров, грейдеров, КРАЗов... Запросили по рации помощь, остановка в морозной тайге — дело серьезное. Выплеснули на старый бушлат остатки соляры, сверху накидали сырых смолистых толстых веток от спиленной сосны, развели костер, расселись вокруг жаркого пламени и начали вспоминать разные истории с гражданки. Вахтанг, механик-водитель, кроме своего города Боржоми, ни о чем другом говорить не мог. Мечтал, как приедет в Грузию, так целый месяц гулять будет: пить вино, есть шашлык и купаться в бассейне с минеральной водой.

А Васе рассказывать было нечего.

«Комод» (командир отделения) сержант Витька Дрюмов распорядился:

— Ты, боец Хапилов, самый высокий у нас. Назначаю тебя впередсмотрящим. Утром, как заведешь мой трактор пускатом, так сразу беги будить. После залезешь на кабину бульдозера и внимательно смотри: не движется ли навстречу от Комсомольска-на-Амуре на смычку наш шестой батальон. И как только увидишь, сразу маши дембелям белым платочком.

Пришлось освоить «морскую» специальность впередсмотрящего... По радио запросили ВЧ, выслали подмогу, еще один броник с полными баками подкатил к костру. Заправились финским дизельным топливом, отечественное застывало при низких температурах, превращаясь в кисель.

Счастливые и обогрешившиеся буквально ворвались в поселок. Сразу покатали к местному сельсовету. Прапор, мужик въедливый, если что задумал, обязательно выполнит. Вот и тогда влетел в кабинет к местному начальству и грозным, суровым голосом, надвигаясь на председателя Паюшкина, «по секрету» сообщил, что за поселком в качестве эксперимента будет прорыт туннель для ветки метро, а головному отряду необходимо в срочном порядке выделить пару сотен кирпичей для обустройства на местности. Поверил ли председатель тому, что наплел прапорщик, неизвестно, но кирпич выделил от строящейся котельной.

После чего тут же в сельмаг за куревом. На деревянном, почерневшем от времени одноэтажном доме табличка «Овощи. Фрукты». Какие овощи да фрукты, когда на улице под сорок с минусом? Ввалились толпой, и действительно — на полках за спиной продавщицы компоты в банках, соки в трехлитровых стеклянных баллонах, консервированные кубинские ананасы, сушеные бананы... Еще прикупили ящик апельсинов, правда, мороженых.

Работали и в пятьдесят градусов. Воздух тогда становился колким, острым, затруднял дыхание... Пилили тайгу ручными пилами, прорубали просеки под будущие железнодорожные пути. Так и хотелось бросить все и бежать! Да только куда бежать? Вокруг тайга, на горизонте в сизой дымке еле виднеются синеватые сопки. Бывало, тех-

ника не выдерживала, тросы рвались, будто гнилые нитки. Когда строили дренажные штольни, Вася дежурил у бензогенераторов, частенько любовался красными, почти багровыми закатами. Тайга на закате, словно объятая огнем.

Насыпали балласт на готовую «подушку», клали шпальные решетки на отсыпанную насыпь, сдавали торжественно участок под бамовский марш с громкими речами, а летом верхний слой вечной мерзлоты под солнцем оттаивал, и проложенное с таким трудом через тайгу полотно давало просадку. Поезда по таким участкам вместо скорости в семьдесят километров тащились на десяти-пятнадцати километров в час, все графики движения летели... Возвращались, чтобы ликвидировать просадку путем значительной досыпки песка и щебня.

Иногда при проходке тоннелей с солдатами трудились бичи, бывшие заключенные сибирских лагерей. Освободившись, они так и остались жить в этих холодных краях, за долгие годы отсидки и скитаний растеряв семейные корни. Частенько угощали конфетками-грохотульками — леденцами. Среди них были умелые, неплохо знающие свое дело подрывники, вот они и рвали скалы. Но жили отдельно. Каждое утро их привозили из поселка в грузовых машинах с брезентовым тентом.

Студенческие стройотряды стали прибывать позднее на хозяйственных поездах уже по проложенным рельсам. Принимали участие в строительстве жилых домов, школ, зданий железнодорожных вокзалов, а с наступлением осени разъезжались, успев наиграться на гитарах и сделать целую кучу фотографий на фоне строительной техники, чтобы показывать родным, как они, засучив рукава, вкалывали, не щадя себя, и прокладывали БАМ. Трудно далась эта дорога тем, кто остался на ней. До стройки восточная часть железной дороги была белым пятном на картах СССР.

В следующую зиму перебрались из палаток в срубленные за лето бараки казарменного типа. За лето бревна немного подсохли, но все равно жить в них зимой было довольно сыро.

По возвращении в полк в Свердловске, перед самым дембелем сам командир полка пожимал солдатам руки, благодарил за службу и вручал медали за строительство Байкало-Амурской магистрали...

Васькина медалька в красной коробочке лежит, надо у сеструхи спросить, куда убрала ее...

ШТРИХИ

Где-то на Лиговке, или на Кировной, или на Саперном, или, возможно, даже на Невском, точно не помню, в цоколе одного из бывших доходных домов на солнечной стороне живет антикварная лавка. Когда-то здесь была дворницкая, и дворник, внештатный агент полиции, не только махал метлой, но и зорко следил за порядком в вверенном ему доме с двором-колодцем, дровяными и каретными сараями. Он знал, что происходит за закрытыми дверями парадных и даже жилых квартир. Рабочие со своими семьями ютились рядом в таких же сырых и плесневелых, продуваемых сквозняками, пропахшими мышами подвалах. На неблагонадежных поданных для обширной картотеки полицейских участков составлялись особые списки...

Спустившись по ступеням, я тяну на себя старинную массивную латунную ручку, ровесницу самого дома, надежно закрепленную на все еще крепкой тяжелой темно-коричневой двери. Негромко и кротко звякает мелодичный колокольчик. Из полумрака появляется хозяин лавки в черном фраке, заслоня собой тусклый свет зеленого абажура. Солнечные лучи прямой стрелой пронзают пыльные окна и ударяют по хозяину, словно заштрихованному мягким карандашом. Он в знак приветствия церемонно приподнимает высокий атласный с отливом цилиндр. Как только глаза при-

выкают к сумраку, я вполне могу разглядеть этого человека: высокий и крупный, что не очень сочетается с его театральным, несколько косоватым костюмом, невыгодно подчеркивающим длинную шею, резко переходящую в широкие плечи. Маленькие глазки холодного голубого цвета смотрят цепко и настороженно. На опущенном носу багровеет бородавка. Но усы, скрывающие верхнюю губу, просто замечательные! Когда-то такие же пышные вразлет усы, по моде своего времени, носили генералы и высшие сановники Российской империи.

— Добрый день, — пропел он мягким баритоном, — меня зовут Аркадий. Что вам будет угодно? Верно, интересуетесь стариной? Показать вам предметы из бронзы? А может, хотите послушать романсы на граммофоне? Я также могу показать акварели начала двадцатого века, они в прекрасном сохране. Имеются монеты царской чеканки, ранние советские рублики и полтиннички... Коллекционные дамские аксессуары девятнадцатого века, сумочки со стеклярусом... А вот бальные веера. Посмотрите, какие очаровательные! Очень были популярны когда-то, но всему свое время...

Блики, будто штрихи в косую клетку, смешавшись с пылью, были обозначены на всех предметах лавки, куда только доставало солнце. Хозяин перешел на заговорщицкий шепот:

— Прошу, пройдемте в следующую комнату, я вам покажу кое-что посущественнее.

Следующая комната, в отличие от предыдущей, оказалась довольно больших размеров. Здесь поместились крупные предметы антиквариата. У окна с мелким переплетом рамы расположился массивный резной буфет со львами, держащими его верхнюю часть, где когда-то хранилась чайная посуда. Правее буфета в тон ему стол с овальной столешницей. Массивные ножки стола удерживали все те же львы с разинутыми в гневе пастьями. Кроме того, диван с изогнутой спинкой и с обивкой в полоску. В центре комнаты пианино с толстым слоем пыли на крышках вишневого цвета. Чуть дальше большим черным жуком стоял старинный рояль.

— Не угодно ли взглянуть? Это вам не современная музыка. Все они, уверяю вас, в приличном состоянии и звучат по-прежнему хорошо.

Антиквар вздохнул и снял цилиндр, под которым обнаружилась бритая удлиненная голова, и бережно положил его на рояль. Сам же присел на круглый стул, приподнял крышку инструмента, тронул длинными, обтянутыми бледной пергаментной кожей пальцами пожелтевшие клавиши и заиграл... Непривычно слушать музыку в подвале с низким потолком в окружении молчаливых львов из мореного дуба. Но музыка лилась, заполняя все пространство, и казалось, что все происходит в другом месте, в другом времени, будто мы незаметно перенеслись на машине времени в прошлый век...

После музыки у меня появилась возможность раскрыть цель визита:

— Аркадий, хочется показать одну вещь. Наверно, это так, чепуха, но все же взгляните на мое «наследство» в некотором роде, — и достал из кармана куртки полиэтиленовый пакетик, какими пользуются нумизматы. Вытряхнул на ладонь жука.

Само основание его сделано из тонкой латунной пластинки с миниатюрными ножками. На брюшке с тыльной стороны закреплена из того же металла заколка. Верхняя часть жука, то есть головка с крохотными усиками и спинка с крылышками, составляли одно целое из прозрачного камня лунно-желтого цвета. В общем, жук этот наверняка являлся женским украшением, но так тонко и оригинально был выполнен, что наводил на мысль о возможной ювелирной значимости.

Аркадий, усевшись за большой стол со львами-ножками и вооружившись мощной лупой, стал вертеть его перед собой тонкими пальцами, подносил к свету, на тыльной стороне пытался прочесть клеймо изделия...

После долгого изучения наконец вынес приговор «зверю»:

— Занятная штукавина! — отложил в сторону увеличительное стекло. — Если бы согласились продать ее мне, то как эксперт я, конечно, наговорил бы вам много разной чепухи, что это простая старая брошка из обычного цветного стекла и никакой ценности не имеет. Кстати, вы, наверное, заметили, что у вашего жука отсутствует одна лапка, и от этого значительно может измениться закупочная цена... Мы, антиквары, не имеем права раскрывать свои тайны сдатчикам о подробностях происхождения изделий, так как этот сдатчик, потенциальный клиент, выведая о своей вещи, уже в другом месте попытается продать ее дороже, показывая свою осведомленность. А предметы с историей оцениваются в разы больше, чем простые безликие сироты, не имеющие родства... Но насколько могу судить, этот предмет вам дорог как память и вы не собираетесь его продавать, поэтому я расскажу о нем, — со значением подкрутил генеральские усы, придав им строго горизонтальное положение, — камешек на спинке — топаз, и он российского происхождения. Топаз имеет твердость алмаза, и добыт сей минерал на Южном Урале в Прутовской копи. Кстати, копь названа в честь казака, первым обнаружившего месторождение. Изготовлена эта изящная дамская безделушка в середине девятнадцатого века. По некоторым манерам ювелирной работы и по полустертому клейму (очевидно, семейным украшением пользовалось не одно поколение) могу сказать, что работа столичного, то есть петербургского мастера. И если более покопаться, то можно определить и саму мастерскую, и мастера, подарившего брошке столь долгую жизнь. Я вам дам свою визитку, и если вы, всякое может случиться, решитесь все же продать жука, то милости прошу. Я назначу хорошую цену!

Я обещал подумать. И мы прошли в небольшую комнатку со столиком и двумя венскими скрипучими стульями, еле поместившимися здесь. Хозяин на радостях предложил совместное чаепитие:

— Сейчас напиток соорудим.

Тут же блеснули гранями на столе два подстаканника, сухарики в небольшой сахарнице, вазочка с вишневым вареньем, электрочайник...

— Эти подстаканники из царского вагона государя Александра Третьего, — громко отхлебывая горячий чай, похвастал Аркадий, — салон вагона императора был настолько комфортабелен, что и теперь поражает техническими новинками. В составе царского поезда имелся вагон с мощным электрогенератором, подававшим ток во все вагоны. Микроклимат поддерживался посредством кондиционирования воздуха. На кухне блюда готовились на большой электрической плите. И все вагоны освещались электролампочками, спрятанными в плафоны, а в кабинете для полного комфорта его хозяина на рабочем столе рядом с электрической лампой стоял настольный вентилятор... Позднее этим поездом часто пользовался его сын — царь Николай Второй. В советское время на нем рассекал просторы страны нарком военных и морских сил Лев Давидович Троцкий... А вообще, мы, антиквары, народ скрытный и существуем в этой жизни обособленно, насколько это возможно. Стараемся никого не пускать и храним маленькие тайны. Так что вам повезло...

Допив чай, Аркадий снял фрак, повесил его аккуратно на спинку стула и оказался в обычной рубашке и обычных брюках. А весь маскарад был задуман для меня, потенциального покупателя, чтобы продемонстрировать принадлежность к духу того времени, которое отражалось на пыльных полках антикварных лавок.

ПРОГУЛКА

Я стоял на Макаровском мосту. Надо мной бывший доковый канал, заросший деревьями и кустарником. Когда-то сюда разъяренные, опьяненные революцией и свободой матросы сбрасывали своих же недавних командиров, не пожелав-

ших служить новой власти, потому расстрелянных. В этот же овраг скинули заколотое штыками тело последнего командира Кронштадтского порта — адмирала Вирена.

Вышел на Якорную площадь к Морскому Никольскому собору. Раньше здесь находился кинотеатр имени Максима Горького, в народе «Максимка». Ходили кино смотреть, на танцы... С одной там в углу обжимались. Был я баянистом-самоучкой и, чтобы откосить от ежедневной строевой подготовки в учебке, частенько играл в Клубе моряков. Да и на репетиции командование всегда отпускало без проволочек. Эти репетиции часто проходили в соборе. К каждому празднику готовились. Даже свой ВИА создали — «Рифы». Когда начинался киносеанс, а забирался в будку к своему корешу Лешке, он тоже из Керчи. Вместе призывались и в Кронштадт тоже вместе попали. По одной специальности учились: на судовых механиков-дизелистов.

Пересек Якорную площадь и незаметно затерялся среди давно забытых и ставших чужими улиц, разглядывая дома петровских времен. Но Флотскую улицу я хорошо запомнил. Наш командир учебного взвода, еще совсем летеха, попросил меня как-то помочь ему перенести домашние вещички из одной парадной в другую в том же десятом доме. Что называется, не в службу, а в дружбу. Он тогда только женился. Ну и выделили им в офицерской общаге отдельную комнату. Я тогда до самой ночи эти шмотки на третий этаж таскал. Жена его молодая целый баркас своего бабского хабара навезла! А обувки-то сколько! Не то что взвод, а экипаж подводной лодки можно было обуть. Мне помогал мужик один, тоже бывший моряк, водопроводчиком в этой общаге трудился. Командир нас тогда не обидел, выставил угощение: картошечку жареную, хрустящую, с мясом, хлеба много, огурчики соленые... И бутылку водки грохнул на стол. Мне разрешил сто граммов принять, а напарник мой всю водочку потихоньку и уговорил. Потом нам еще по трешке вручили уже перед самым уходом. Ну это командир, конечно, перед женой своей «вытанцовывал»...

Прошелся по проспекту Ленина. То и дело встречались по пути матросы, уже в новенькой современной форме...

А хорошая в Кронштадте погода! Не сравнить с Гремихой, там такие ветра дуют, только и держись за леера! Особенно зимой. Даже канаты на улицах натягивали, чтобы народ не сдувало, пока до автобусной остановки добирался. В этой Гремихе я однажды под самый дембель на губу и угодил. У меня в военном билете приказ уже стоял. Но поругался с командиром боевой электротехнической части, и он отправил меня на гауптвахту на пять суток. А там холодрыга, сам гальюн на краю скалы, открытый всем ветрам, аж шинель над головой задирает. Пол из сваренных прутьев в широкую клетку...

Дошел до Макаровской. Здесь КПП учебной воинской части. Тут готовят специалистов подводного флота. Слышно, как топают по плацу матросики-салажата, распевая песню «Варяг». А после отбоя снова «занятия» (вроде внеклассной работы): кто не укладывался в норматив, шел гальюны драить или картошку на кухне чистить. За несколько месяцев такой «подготовки» полностью выбивались воспоминания о гражданке. Гоняли нас до седьмого пота, поблажек не делали, над учебниками ночи не спали. Все пригодилось. Правильно все оказалось. Ничем лишним в этой учебке нас, молодых, не грузили.

Легкий, свежий ветерок южных румбов продувал улицы, закручивал и уносил из скверов опавшие листья. Я продолжил свою прогулку в прошлое.

Впереди старинное двухэтажное здание — эта четвертая оборонительная казарма, в ней когда-то находилась гарнизонная гауптвахта. Там мне тоже пришлось побывать. Теперь за дощатым забором смотрели на меня бесприютно оконные проемы без стекол. Мы же тогда карасями были, только присягу приняли. Нас отправили в караул: охранять в гавани списанные остовы дизельных лодок. Их постепенно разкомплектовывали и готовили к утилизации. На некоторых все еще жили матросы и мичманы.

Так вот, мы вдвоем с Лехой ходим по пирсу. Темнеть уже начало. Еще и снег повалил крупными мокрыми хлопьями. Он опустился на бетон причальной стенки и превращался в лужи. Спрятались в закуток какой-то, чтоб от ветра уберечься. Пока укрывались и курили, автоматы с плеча сняли, поставили в угол подальше от снега. Вдруг слышим шаги, тихонько переговариваются двое, прямо к нам идут. Мы согнулись в три погибели. Большие, видимо, тяжелые мешки у них за спинами. А эти уже совсем рядом. Выскочили мы и треснули кулаками обоим куда попало. Нам бы оружие взять в руки и, как положено, по уставу спросить: «Стой, кто идет?» — и далее уложить, вызвать разводящего или начальника караула. А эти двое побежали, правда, мешки побросали. Мы за ними. Они через дыру в заборе. И мы опять следом. Так на улицу и выскочили, догнали их. Здоровенные мужики оказались. Самая настоящая драка началась. Одного все же повалили, а второй сбежал. После этого только хватились оружия. Я мужику руки ремнем связал и вернулся тем же путем. Прибегаю к тому месту, где автоматы остались, а там спокойно нас дожидается старший мичман, и на плече у него наши «калаши» уютно устроились... Что было дальше, лучше не вспоминать! Под трибунал могли угодить, но гауптвахтой отделались, пожалели нас: матросы молодые службу не поняли, не привыкли к оружию. И учли еще, что задержали вору, который с подельником с электрооборудования контакты, покрытые техническим серебром, откручивал и штурманские, еще не снятые приборы воровал. Второго после нашли, а нас как свидетелей вызывали.

Над купеческой гаванью возвышается петровской эпохи кран, с помощью которого разгружали когда-то торговые корабли. Белые чайки то взмывают вверх, то в пикирующем полете падают на поверхность воды, видимо разглядев с высоты рыбешку. У моряков в крови неприязнь к чайкам как к предвестникам возможных неприятностей во время плавания. Вечно голодные, нахальные, откормленные туристами «курицы».

Помню, после сдачи выпускных экзаменов, перед тем, как разбежаться по флотам, нас с Лехой снова отправили нести караульную службу. Теперь мы охраняли бывший береговой форт. Что там охранять-то, думали мы... Наверняка со времен Второй мировой все давно списано и растащено. Кто ж знал, что некоторые береговые оборонительные казематы до сих пор находились под присмотром Министерства обороны и были вполне пригодны к боевому применению. Мы с Лехой бродили по бережку между этими «музейными экспонатами», гадали, где служить придется, впереди ведь два с половиной года. За разговорами набрали на какое-то сооружение, с виду дот, с толстыми стенами и амбразурой. Решили ради любопытства заглянуть, как там все устроено. С трудом сдвинули проржавевшую дверь на цилиндрах-петлях, протиснулись внутрь и прошли по осколкам кирпичей, захрустевших под ногами, по полусгнившим гильзам... Помещение было разделено на отдельные отсеки с хорошо пристрелянными бойницами для пулеметов или орудий. В одном таком отсеке мы с Лехой стали изображать из себя пулеметчиков, попеременно усаживались на место части станины с сиденьем от крупнокалиберного пулемета, держа перед собой для убедительности заряженные боевыми патронами автоматы. Так заигрались, что даже не помню, как пришла в голову идея пострелять через амбразуру. Сняли с предохранителей оружие, передернули затворы и стрельнули в сторону залива...

Быстро нас нашли, почти сразу прибежал незнакомый капитан с тремя вооруженными матросами. Нас слегка помяли и сдали дежурному на гауптвахту для дальнейшего разбирательства. И снова я на губе оказался. Даже следователь приходил, допросил разок, но все закончилось благополучно.

Над фортом Александр Первый поднялась радуга, и сразу день стал ярким, значительным. Суровые кронштадтские форты словно ожили и уже не казались такими мрач-

ными и холодными. По улицам морского города спешат автомобили, велосипедисты, мамы с колясками... О чем-то тихо переговариваются между собой на скамейках пожилые жители. Наверно, им есть о чем поговорить, ведь в Кронштадте нет никого, чья судьба не связана с флотом.

Шипящая балтийская волна ударила в гранитную стенку набережной и подняла целое облако разноцветных брызг. Рассыпавшись, они превратились в небольшие лужицы, слегка смочив шероховатые теплые камни набережной.

Трудно оторвать взгляд от бескрайности моря. Видимо, все же существует какая-то необъяснимая магия притяжения к этой стихии, если никогда не видевшие моря и далекие от него люди навсегда связывают с ней свою судьбу.

ЗА ЛИМОНЫ

— Чай будешь? — предложил Миша Гольдман, лифтер нашего НИИ, пожилой, с трудом передвигающийся на своих двоих и с пристальным взглядом карих глаз.

Я часто забегал к Мише на технический этаж под самой крышей высотки, в машинное отделение грузового лифта, где он, в нарушение всех правил техники безопасности, проводил рабочее время, ожидая сигнала для подъема груза.

На самом деле Миша оказался довольно толковым лифтером. Например, когда от перегрузов останавливались лифты, то он (опять же в нарушение строгих инструкций, без оформления разрешающего наряда с подписями) ставил возле распахнутой дверцы шкафа управления низкую табуретку и со знанием дела влезал с головой в запутанный мир цветных жгутов электропроводов, сигнальных ламп, многочисленных электромагнитных реле... Колдовал там некоторое время, и застрявший многотонный подъемный механизм, вздрогнув, как вагон по рельсам, отправлялся на нужный этаж. Хотя ему, простому лифтеру со второй группой безопасности, без специального допуска к ремонту лифтового оборудования (с определением и устранением неисправностей) можно было и не заморачиваться. Но за оперативный запуск машины из директорского фонда втихаря выписывали небольшую денежную премию.

В машинном отделении на старом колченогом столе, кроме электроплитки и кружки с крепкой заваркой, целая россыпь детективов в мягких потрепанных переплетах. Мишу занимали книги исключительно о преступлениях. Ему были интересны колоритные фартовые герои, прошедшие огонь и воду. Не мешало ни «ворчанье» мощного электродвигателя, ни клацанье электромагнитных контакторов, ни автоматическое срабатывание тормоза на валу движка... Хотя и к чтению своему относился более чем скептически. Честно признавал, что в современных детективах нет и тени правды. Иногда от досады, не выдержав, как будто его в очередной раз обманули, с размаху бросал мятую книжечку в бетонную стену, после чего резко застывал, долго всматривался в себя. Со стороны казалось, будто изучал правила эксплуатации лифтами в застекленной рамке.

Я, как мог, пытался отвлечь его от тяжелых мыслей или воспоминаний.

— Миш, ты что же чифирчик гоняешь? — обжигаясь, делал я глоток чая, — Где такой заваривать научился? На зоне, поди? — шутил над ним. — А с лимончиком не пробовал?

Он осадил меня взглядом. Стало не по себе. Кажется, чего-то лишнего сболтнул.

— Не блатуй, раз не смыслишь, — посоветовал Миша и, допив купчик, выплеснул остатки куда-то позади себя, — а лимоны ненавижу! Всю жизнь мне поломали, — и привычно оглянулся на распахнутую дверь, будто за ней кто-то притаился и подслушивал, хотя электродвигатели выли на высоких нотах так, что перекрывали все другие

звуки. Из-за работы электролифтового хозяйства Миша иногда забывал про свой обед. Не было слышно, как кипит в помятой кастрюле вода, и сардельки постепенно превращались в бесформенную массу розоватого цвета, — я ведь десятилетку окончил. Отец хотел, чтобы я тоже стал военным — офицером. Он в свое время до Берлина дошел. И ни разу не попрекнули, что еврей.

После войны он с отличием окончил Бронетанковую академию. Последняя его должность перед отставкой — начальник штаба танковой дивизии. Я как-то в ящике его стола нашел наградной «ГТ» и с ребятами, удрав из класса, побежал в лес стрелять по мишеням. А лесник, делавший обход участка, услышал выстрелы и сообщил в милицию... Вызвали отца, он сразу пошел к начальнику отделения, долго не выходил от него. И меня отпустили. Потом крепко всыпал своим офицерским ремнем. Недели две сидеть не мог, так и стоял за партой.

В военное училище я не стал поступать. Не мое это — всю жизнь ходить строем в затянутой ремнями шинели. А тогда недавно закончился международный молодежный фестиваль, и вроде бы дышать стало легче. Мы с ребятами мотались целыми днями по подворотням Замоскворечья, по переулкам Арбата, пасли иностранцев у гостиниц, знакомились, выменивали, перепродавали... Собирались на квартирах, пили портвейн, слушали саксофон Козлова и «Голоса»... С тех пор и полюбил «буржуйскую» музыку.

Мы, конечно, были под надзором органов. Некоторых даже привлекли и посадили за фарцовку. А я поступил в Институт советской торговли. Потом отчислили за поведение, несовместимое с моральным обликом советского гражданина. Пошел младшим продавцом в овощной отдел. Овощной отдел — чепуха вроде бы. Но давно улетела нэповская политика. Сталинское изобилие тоже закончилось. Тюль не найдешь, с гречкой проблемы, мясо — одни кости. А народу даже в пору тотального дефицита тоже жить хотелось. В нашем магазине все было (даже бананы с ананасами), но не для всех.

Я постепенно приобрел полезные знакомства, оброс жирком нужных связей. Женился. Жена — инспектор по жилищным вопросам в райисполкоме. В середине семидесятых я уже заведующий отделом. В моем подчинении два продавца. В конце каждой недели отстегивал определенную сумму директору магазина, дальше меня не касалось. Главное, план выполнить. Неважно на чем: хоть на ягодах, ранним утром вне очереди привезенных на точку шофером за червонец, или на соленых грибочках, или на свежих тепличных огурцах, или на тех же лимонах, будь они неладны. За несколько часов умудрялись месячную норму выполнить. Остальное же время работали на себя. ОБХСС не тревожил. Все решалось в директорском кабинете.

Но денег все равно не хватало, родилась дочка, потребности увеличились. Предложили должность зама. По утрам и вечерам за мной приезжала «Волга». Купил часы «Ролекс».

Как-то позвонил знакомый товаровед из горторга:

— Михаил Борисович, выручай! Надо двести кило лимонов срочно куда-то девать. Ревизия на носу. Возьми себе, потихоньку реализуешь.

Легко сказать. А кому сдались лимоны в жару? Зимой они хорошо идут, а летом покупатель требует клубнику, черешню, виноград... А тот все ноет, мол, я тебе и крабов, и тихоокеанской селедочки не пожалею...

Я как чувствовал, не надо было брать... Грузчики мои затарили магазинный холодильник, а сам я домой поехал. Решил, завтра спокойно со всем разберусь: раскидаю лимоны по торговым точкам. Продавцы будут предлагать их в нагрузку к дефициту, покупатели никуда не денутся. Распродам без накладных, и никто внакладе не останется. Хороший каламбур вышел бы...

На следующий день я в хорошем настроении подкатил на моторе к магазину. Во дворе все спокойно и даже слишком спокойно — нет никого. Перепились, что ли, все? У служебного входа ко мне с двух сторон подошли двое с удостоверениями, взяли под руки и повели в мой же кабинет. Приказали все из карманов вынуть. Обыскали вплоть до шнурков. Перед этим с улицы притащили двух понятых, предъявили постановление о задержании и разрешение на обыск. Потом все вышли, остался со мной один. Спросил его шепотом:

— А кто заложил?

Тот будто не слышит, бумагами старательно шуршит. Я пододвинул ему тихонько нераспечатанную пачку «Мальборо». И еще часы «Ролекс» с руки снял. Он даже бровью не повел, все подарочки аккуратно в свой кожаный портфельчик убрал. Потом молча достал лист, чиркнул имя и тут же скомкал...

Уборщица наката на меня. Подслушала телефонный разговор за тоненькой стенкой уборной, примыкавшей к моему кабинету. И как только я поехал домой, она и позвонила... И чего ей, дуре жадной, не хватало? Я со всеми делился: и колбаской финской, и шампанским с икоркой к празднику и деньжат подкидывал... Знал же, что уборщицы и дворники — первые стукачи.

Думал, отмотаюсь легко: многих знал. Но прикрыть дело о хищении крупной партии фруктов так и не удалось. К тому же дома нашли доллары (собирались жене шубу в «Березке» покупать).

Получил семь лет колонии общего режима с частичной конфискацией имущества. Хорошо, что большая часть денег у жены на сберкнижке лежала. Дальше этап — вагон для перевозки заключенных, в народе «столыпинский».

В колонию прибыл со своим кешаром. После душа и карантина под «крышу», где все о тебе уже знают. «Эстафета» через контролеров сработала быстро. Я считался «тяжеловесом» (осужденным на большой срок).

Под Стерлитамаком на химкомбинате работал на засыпке сельхозудобрений. Быстро потерял в весе. Через год кашлять начал — туберкулез начался.

Жена подсуетилась, добилась моего перевода ближе к столице. Дальше отбывал в Калужской области. Камера большая, и народу в ней больше, чем надо. Опущенные ближе к двери у очка жались. Авторитетные — ближе к свежему воздуху, у окна лучшие шконки занимали. В камере, как ни странно, достаточно свободы, но нет свободного пространства. Если долго не выпускали на прогулку, приходилось постоянно сидеть или лежать. От этого ноги быстро приходят в негодность. И в туалет сходить — большая проблема. Из крана в стене тонкой струйкой течет холодная вода, в цементном полу очко. И все на виду, дверцу за собой не прикроешь. Вот и маялся, терпел до отбоя. Так и «посадил» почки.

Чтобы не потерять на работе остатки здоровья, стал думать, как осторожно подвалить к смотрящему. Он в контакте с начальником отряда, от него зависит распределение на работу. Жена отправляла посылки, денежные переводы...

Два раза в месяц на свиданку приезжала с сумками, полных «грева», начиная с администрации и заканчивая нашей камерой. Без «грева» в камере, как и на свободе, тоже плохо. Каждый месяц я отстегивал «бугру» двадцать пять рублей, чтобы работу легче давал и на уголь не посылал. Если деньги есть, то можно вообще на работу не выходить, целыми днями в камере отдыхать, слова никто не скажет. В заключении даже легче, чем на свободе: отвоевал себе пространство, заработал авторитет и живи спокойно. Главное, жить в согласии, не делать никому зла. Но годы на зоне тянутся, как столетие. Месяцы считаешь до освобождения. И боишься всего. А вдруг ШИЗО? И отодвинется долгожданная свобода...

Последние годы на поселении провел, в колхозе работал, репку с морковкой дергал. Жена еще чаще навещала, лекарства разные привозила... А дома голые стены. Все распродала, чтобы поддерживать меня. Ее уволили после моего ареста. Устроилась в ЖЭК инженером на сто двадцать пять рублей.

Теперь свобода. А радости нет. Никакого желания жить. Хорошо, товарищ один помог с удостоверением лифтера. До этого в психоневрологическом интернате работал. Тяжело с психами.

Прозвучал звонок вызова с нижнего этажа: кому-то из арендаторов потребовался грузовой лифт. Миша Гольдман обулся в свои бессменные войлочные «прощай молодость», в которых зимой и летом, с трудом поднялся, поковылял к выходу...

НАШИ ДВОРЫ И УЛИЦЫ

Сергея все свои одиннадцать лет проживал с родителями на окраине Москвы, на улице Хромова.

Сегодня улицу он перебежал перед полуторкой, доверху нагруженной пряжей для фабрики, и, беззаботно насвистывая мотив из фильма «Путь к причалу», как всегда, опаздывал в школу. Впереди дом старика Магницкого, который в эту минуту выкатывал двухколесную тележку на рессорах, в ней кабачки и огурцы с собственнораспущенного огорода.

«Кулак недобитый! Буржуй! Все ему мало, — подумал Серега. — Вот тоже, денег не хватает, сейчас огурцы, помидоры и сливы пойдут, глядишь, к первому сентября и гладиолусы с астрами понесет продавать на Преображенский рынок».

Подперев столб чугунной ограды школы, Серегу поджидал Юрка Шилов:

— Ну что, пойдём пивка попьём, — предложил Шило, великовозрастный лентяй и хронический второгодник, отсидевший в каждом классе по два года, но не злой, добродушный, долговязый и худой. Он звонко хлопнул по плечу Серого, такого же свободолюбивого лентяя, ненавидевшего школьную дисциплину и слишком строгих учителей, мечтающего с первого класса побыстрее выйти на пенсию, предпочитающего всем своим друзьям только одного верного, молчаливого и безотказного — велосипед.

— Ну так что? — повторил Юрка. — Айда сейчас во время уроков. Ты сбросишь в окно портфели из туалета и вперед на Архиерейку, там за прудом колхозное поле, как раз кабачки созрели, а после в «Севастополе» фильм посмотрим «Акваланги на дне». Или на троллейбусе в Сокольники, там мировая пивнушка на Шестом Лучевом, даже артисты заходят туда пивка попить. Можно и в бильярдную заскочить: блатные, карманники там шары катают, милиция знает об этом, но их не трогают, когда они при делах, да и стучат некоторые ментам.

— Пошли, — согласился Серега, — у нас сейчас дойч будет. Таисия наша Бостанджого нудеть будет, произношение ей подавай. Перевод задала, целую страницу, а по телику каждый вечер новая серия «Операции „Грест“» показывают, успевай тут.

— Да-а, и у нас не лучше, — прогудел Юрка, — я в инглиш ни в зуб ногой. Завуч у нас английский ведет, все Шилов да Шилов... Ну ее! День-то какой сегодня замечательный! Сентябрь! Неделю уже в школе отпахали, пока погода солнечная да теплая, надо и погулять, школа не убежит. С 1939 года стоит все на этом же месте.

Юрка поймал сброшенные портфели, и ребята выскочили со школьного двора, Юрка насвистывал какой-то мотивчик, прижимая к себе черную тощую папку на молнии-застежке, Серега тихонько напевал песню из фильма «Последний дюйм», у него в руках грязно-оранжевый портфель, набитый неизвестно чем, он и сам толком не знал, что там, и редко докапывался до самого его дна.

Ребята на ходу делились впечатлениями о быстро закончившемся лете. Юрка, например, ездил один на каникулах под Тулу к деду, мать не поехала, она работает уборщицей на «Электростроительском заводе». Юрке очень нравилось у деда, хотя дом его и развалюха, но какие там поля, лес! Речка чистая! Гуляй, катайся на велике, мопеде, лови рыбу... Хоть совсем не приходи ночевать, никто не заругает, не спросит строго, где был. Свобода! Лафа!

А Серега, как обычно, проводил лето в городе, на своей, как ему казалось, лучшей улице, тихой и зеленой со старыми тополями, образующими прохладный тоннель. А еще в палисадниках росли разноцветные садовые ромашки: жители высаживали семена перед своими окнами каждую весну, и они расцветали красными, белыми, розовыми, бордовыми цветами.

Ребята шли по четной стороне улицы. Наверно, эта улица была похожа на множество других таких же затерявшихся на карте города, идущих по окраинам вкось и вкось. Отец Сереги, сам коренной москвич, как-то сказал сыну, что Москва — это большая деревня, как это так? Но отцу он верил. Дом их семейный, аж в два этажа, до сих пор стоит в Сокольниках на Третьей Рыбинской. Еще совсем маленьким запомнил, как ходил мимо этого дома, крепко держась за твердую ладонь отца.

Юрка и Серега миновали пожарную часть с деревянной каланчой, напоминавшей граненый чайный стакан. На самом верху, на балконе каланчи расхаживал дежурный пожарный в каске, а внизу уже за воротами депо стояли готовые днем и ночью броситься тушить огонь, замечательно красивые, блестящие, с лестницами на крыше, красные ЗИСы. Слева в ряд стояли по улице деревянные дома с палисадниками. Осенние цветы: золотые шары, георгины выглядели через окрашенные доски заборов. За Архиерейским прудом хорошо видна большая дача московских митрополитов. А за ней поле, огороды...

В школе рассказывали, что раньше в теплицах церковного хозяйства созревали арбузы и дыни. Теперь эта земля местного совхоза «Красный луч», в бывшей даче же находится администрация. Вот мимо этого дома под самыми окнами, крадучись и слыша стук костяшек счет, тихонько ползли ребята. За совхозной конторой большое поле, на нем тяжелыми артиллерийскими снарядами лежали кабачки, набрали, кто сколько смог, Серега набил портфель доверху, утрамбовав на самое дно тетрадки, решили все-таки забежать домой и освободиться от этих «боеприпасов». Ну, а после в Сокольники. До вечера есть еще времечко. Родителей-то дома нет, не спросят, где был. В Стране Советов все работали, все взрослое население обязано было трудиться. Кто не работает, тот не ест, если не работаешь, значит, тунеядец. Жди повестку от участкового, сам не устроишься — тебя устроят, но в парках Москвы и днем, и поздним вечером, и в будни, и в выходные в бильярдных шла игра по-крупному. Почему не ловили фартовых тунеядцев?

— Шило, ты чего такой серьезный вдруг?

— Да так, есть одно дельце, — прогнусавил Юрок. — Попугать хочу кое-кого.

— А чего в кармане у тебя тянет?

— Так. Ерунда. Пугач. Пробками стреляет. Выменял как-то у цыган, недавно через нашу улицу проходили.

— Покажь.

— Потом, — отмахнулся Шило, — пошли сначала к розарию в бильярдную, а после и в пивнушку заглянем, там артиста знакомого увидишь. В «Шумном дне» снимался.

Время летело незаметно, большие круглые часы на фонарном столбе в парке показывали шестой час.

Из бильярдной доносился стук шаров, над столами, еле пробиваясь сквозь сизый дым, тускло горел свет. Юрка сразу куда-то пропал. Серега остался один и, чтобы ни-

кому не мешать, встал в уголок. Он и не мешал, его и не замечали. Серьезные люди занимались серьезным делом, это вам не на заводе гайки точить, не на железной дороге вкалывать в жару и мороз, здесь фарт идет за столами! Большие куши срывают в американку, откуда-то из-за дымовой завесы вынырнул Юрка.

— Пошли отсюда. Здесь его нет, в пивной, наверно, пиво дует.

— Юрка, кто? Ты о ком?

— Да так, гад один, поговорить надо мне с ним, — и зачем-то пощупал карман своего серого школьного пиджака, где у него, как он сказал, лежал просто пугач.

До пивной минут десять-пятнадцать. Рабочий день закончился, и народ повалил в парк, в ракушке у главного входа на сцене играет духовой оркестр. Кафе — шашлычная стекляшка «Сирень» — заполняется постепенно. Вечером отчетливее доносится женский смех, и желающих прокатиться по парку возят на автомобиле-поезде с длинным прицепом...

Ребята с интересом разглядывали прогуливающиеся парочки, Юрка нарочно чуть задевал локтем девушек или слегка на ногу наступал, но тут же, улыбаясь, извинялся. В свои шестнадцать он выглядел как взрослый двадцатилетний парень. На лучах-просеках лесопарка стояли дома с резными наличниками и застекленными верандами, за ними фруктовые сады во дворах. Эти строения были когда-то дачами дворян и зажиточных горожан, но советская власть национализировала все, превратив роскошь господ в коммунальные квартиры, в них стали проживать рабочие московских заводов и фабрик. Огромные дубы и липы обступили эти бывшие усадьбы. И закрылась дверь в прошлое

«Скучно, наверно, жить здесь, — подумал Серега, — мрачно как-то». За поворотом показалась пивная. Совсем небольшое деревянное с облупившейся зеленой краской строение, с виду барак. Правда, есть еще за невысокой оградой небольшая площадка с навесом, круглые столы-стойки с мраморными столешницами вечно мокрые, пахнут пивом и рыбой. Какой-то особенный свой запах витал здесь, запах сильных суровых мужиков, запах тайн и загадок. Дурной славой пользовалось это место. Заводские да и просто отдыхающие старались сюда не наведываться, сторонились, как слышал Сергей. Какие-то темные личности ошивались здесь. Возможно, карманники, карточные шулеры и другие «деловые» люди Москвы назначили здесь свои встречи.

— Давай у поворота в кустах орешника подождем, — негромко сказал Юрка, — сегодня он должен быть обязательно.

— Да кого ждем, Юрка? — не выдержал Серега. — Да еще в кустах.

— Молчи! После расскажу, — одними губами ответил тот.

Сидели на ящике из-под пива и молчали. Начал моросить мелкий противный дождь. Со стороны Ростокинского проезда показалась наконец машина с горящими подфарниками. ГАЗ-51 двигался довольно медленно. Сергей догадался, что это рыбовоз, на его голубом борту большими белыми буквами тянулась надпись «Живая рыба». Рыбовоз почти поравнялся с ребятами, машина как машина, не танк ведь. «Чего сидим, чего ждем?» — подумал Серега и вздохнул: надоело уже таскаться весь день, дома котлеты с картошкой ждут, мамка собиралась на ужин приготовить...

Внезапно Юрка соскочил с ящика, Сергей не удержался и полетел в прошлогоднюю листву, дождь усилился и часто забарабанил по листьям орешника, остальное он плохо запомнил. Пока вставал, отряхивался... Серега единственное успел заметить, что у шофера рыбовоза большая приплюснутая голова и маленькие, широко расставленные глазки, а к верхней губе будто приклеили длинные тонкие усы, торчащие в разные стороны.

Юрка в это время догнал машину, замедлившую движение перед поворотом к пивной. Он поравнялся с водительской дверью, шофер в кепке спокойно положил ло-

коть на открытое окно дверцы, при этом другой рукой небрежно придерживая руль, в уголке его рта дымилась папироса, Юрка выхватил что-то черное из кармана, в ту же секунду сухо прозвучал выстрел. Шофер сразу уронил голову на руль, автомобиль, сминая кусты, завалился набок в придорожную канаву. Юрка дернул обалдевшего Серегу за руку:

— Ходу!

Дождь превратился в настоящий ливень. Промокшие ребята, не помня себя, летели через редяющий лес, выскочили к трамвайной остановке, повезло — сразу сели в одиннадцатый маршрут.

— Юрка, ты чего? Что это было? — еле вымолвил, дрожа от страха и холода, Серега.

— Молчи! — приказал хмурый Шилов.

В тяжелом молчании доехали до Измайловского парка, и тут наконец Юрку прорвало: оказывается, Юркин отец сидит в тюрьме, на фронте тот был танкистом, горел под Курском, еле выжил. В Германии закончил войну, награжден орденом, медалями. Вернулся домой, устроился работать в такси, но эта работа оказалась не по душе: все слишком хитро там, пошел на рыбозовоз. Командировки, часто в Рыбинск на Волгу, сменщик у него, Сомов, на фронте не был, раздобыл где-то липовую медсправку, что туберкулез у него, и все тут! Хитрый мужик и ворюга, воблу, икру в больших банках провозил в Москву под сиденьем. Здесь сбывал чуть ли не в первый гастроном, Елисеевский, ну и в места попроще, вроде этой пивной в Сокольниках. Икра, вобла шли нарасхват, потому что были в страшном дефиците.

Сомов, или Сом, стал уговаривать отца Юрки: давай, мол, дела крутить вместе, Шилов-старший отказался, сказал, что танкист, войну прошел, честно работать привык и Сому не товарищ в его деле, пригрозил еще, что сдаст, если не прекратит воровать. Сомов затаился, выждал момент, когда напарник вернулся из поездки с рыбзавода, и подбросил втихаря мешок воблы и десять банок икры в заводской таре. В воротах при въезде в гараж машину отца остановили, обыскали, дальше суд, срок дали, вот теперь под Архангельском на лесозове кругляк возит, отбывает.

— Сом этот, когда отца посадили, стал к матери приходить. Последний раз недавно был, говорил, что отец ему, барыге, семьсот рублей должен, так пусть мать отдает или отрабатывает.

Мать в три смены на заводе, дома не бывает, денег не хватает. Никаких дел отец не имел с Сомом. Отец — честный человек, ворюг этих на дух не переносит.

Потом уже зимой Юрка рассказал Сереге, что Сома-то он все же убил, ведь они тогда убежали, но никого так и не нашли: дождь шел, все следы смыл.

— Шило, а из чего ты его бабахнул? — тихонько спросил Сергей.

— На Багдашке за трамвайным кругом дом ломали, во дворе за грудой кирпичей, среди старых керосинок и керогазов валялся ржавый бидон, за керосином с ним когда-то ходили, толкнул ногой — загремело что-то, поднял, вытряхнул старые обрывки газет. На траву упал сверток в грязной промасленной бумаге, развернул, смотрю — револьвер. На рукоятке клеймо: «Тульский императорский оружейный завод, 1913 год». В барабане три патрона, одним я в лесу в дерево попал, когда тренировался, здорово бьет, хотя и старое оружие, мы ведь от военкомата на стрельбище ходим, руку набираем, чтоб в армии сразу оружие доверили, — похвалился Юрка, — а Сома не жалко, гад был, у многих крови попил, наган этот я далеко в Язу забросил.

За школьным январским окном валит снег, кажется, что снежинки-непоседы стучатся в стекло. Любимый велосипед одиноко стоит в холодном темном чулане под замком. «Сегодня контрольная по алгебре, сдую у соседки по парте Наташки Михельсон», — решил Серега и тяжело вздохнул, до летних каникул было еще очень далеко — целая жизнь.